

Вэнь Тяньдун превратился в классического детину-рубаку: густые, сросшиеся на переносице брови, широкий нос, упрямый квадратный подбородок — вылитый ярмарочный боец или разбойник с большой дороги.

Линь Цзюэ выглядел так, будто сейчас лишится чувств от злости:

— Я же просил тебя выбрать кого-нибудь посимпатичнее!

— А это разве не красавец? — Вэнь Тяньдун озадаченно свёл широкие брови. На его новом, грубоватом лице эта гримаса смотрелась до комичного простодушно.

— Ну всё с тобой ясно, — вздохнул Линь Цзюэ, обречённо разглядывая спутника. — Брат Вэнь, значит, по-твоему, вот это и есть эталон мужской красоты?

Он ткнул пальцем себе в грудь:

— Получается, я в твоих глазах вообще урод из уродов?

Линь Цзюэ, несмотря на юный возраст, отличался на редкость тонкими и миловидными чертами лица — его смело можно было назвать красавцем. Однако эстетические стандарты Вэнь Тяньдуна явно отличались от общепринятых. Он окинул юношу оценивающим взглядом, замялся и тактично промолчал.

Чжао Сюэхань поспешно уткнулся в пиалу с чаем, подавляя смешок. Благодаря Технике Чтения Мыслей он отчётливо видел, о чём сейчас думает этот сибирский валенок. Вэнь Тяньдун искренне считал Линь Цзюэ редкостным страшилой, самого Чжао Сюэханя — неказистым заморышем, и лишь Янь Кэ удостоился в его мыслях снисходительного: «Ну, этот ещё более-менее сойдёт».

«Надо же, сам писанный красавец, а вкусы такие дремучие», — подивился Чжао Сюэхань.

Линь Цзюэ тем временем заметно побледнел. Повисшее молчание он истолковал совершенно однозначно — его только что мысленно записали в уроды.

— В общем, так не пойдёт! Живо меняй обратно! — вскипел Линь Цзюэ.

Он принялся увлечённо командовать превращением: тут подправь, там сгладь, здесь убавь. Только к закату, когда солнце уже лениво покатилося к западу, он наконец остался доволен результатом.

Отступив на пару шагов, Линь Цзюэ скрестил руки на груди. Чжао Сюэхань взглянул на Вэнь Тяньдуна: перед ними снова стоял человек ослепительной красоты, разве что тип внешности

теперь был совершенно иным, куда более мягким и утончённым, чем его истинный облик.

— Господин Вэнь, — неожиданно подал голос Янь Кэ. — Я не слишком силён в Технике Изменения Облика. Пожалуйста, измените внешность Демонического владыки тоже. — Он ненадолго запнулся. — Будет нехорошо, если в городе его опознают заклинатели.

— Хорошо, — выдохнул Вэнь Тяньдун, изрядно уставший от капризов Линь Цзюэ.

Он мягко приподнял Чжао Сюэханя за подбородок и с улыбкой спросил:

— Какое лицо ты себе хочешь?

«Какое-нибудь из тех, что ты считаешь самыми уродливыми, — мысленно отозвался Чжао Сюэхань. — Чем невзрачнее, тем лучше».

Но тут Янь Кэ негромко кашлянул в кулак и вмешался:

— Округлые черты, миндалевидные глаза и слегка вздёрнутый нос. Сделайте его таким, пожалуйста.

Вэнь Тяньдун опешил, а затем тихо рассмеялся.

— Ого, какие подробности, — поддразнил он. — И чей же это портрет?

Чжао Сюэхань тоже с недоумением уставился на Янь Кэ. Тот промолчал, однако в его разуме отчётливо промелькнула мысль:

"Хочу, чтобы он стал похож на Лянляна"

Чжао Сюэхань едва не поперхнулся чаем.

"Погоди-ка! При всём уважении, я всё-таки человек! Ты же не собираешься нацепить на меня собачью морду?!"

Тем временем Вэнь Тяньдун уже мягко коснулся его скул. Чжао Сюэхань почувствовал, как по лицу разливается приятное тепло. Кожа и кости послушно размякли, словно тёплый воск, меняя форму под чуткими пальцами. Вскоре жар утих, и Вэнь Тяньдун повернул его лицом к Янь Кэ.

— Ну как? — спросил он.

В глубине глаз Янь Кэ что-то неуловимо дрогнуло и вспыхнуло.

— Сделайте переносицу чуть изящнее, а губы — немного тоньше, — попросил он.

Вэнь Тяньдун послушно внёс последние штрихи, после чего одолжил у хозяина постоянного двора бронзовое зеркало и протянул Чжао Сюэханю. Тот взглянул на своё отражение: из глубины тусклого металла на него смотрел миловидный юноша с исключительно мягким, невинным и безобидным лицом.

Чжао Сюэхань в недоумении поразглядывал себя, а потом перевёл взгляд на Янь Кэ.

"Вроде на собаку совсем не похоже... Неужели этот его Лянлян настолько антропоморфен?"

Янь Кэ продолжал пристально всматриваться в его новое лицо, и в этом взгляде читалось нечто странное, затаённое. Чжао Сюэхань неловко кашлянул. Опомнившись, Янь Кэ тут же отвёл глаза в сторону.

— А ты сам маскироваться не думаешь? — поинтересовался Чжао Сюэхань.

— Мне ни к чему, — холодно отозвался тот, отворачиваясь. — Меня здесь никто не знает.

Солнце уже клонилось к закату, и Линь Цзюэ засуетился, поторапливая спутников. Покинув постоянный двор, Вэнь Тяньдун достал три амулета невидимости и раздал их остальным — всем, кроме самого молодого господина Линя. Укрывшись чарами, четвёрка двинулась в сторону города Хуай.

Город раскинулся у самого подножия величественной горы Шихун, а вдоль его южной стены несла свои воды неширокая речушка. Окутанные вечным туманом пики горы Шихун подпирали небеса, создавая иллюзию сказочного чертога. Было странно и даже немного жутко видеть эту неприступную обитель бессмертных так близко от шумных людских кварталов.

— Школа Первозданной Истины издревле славилась близостью к миру смертных, — негромко пояснил Вэнь Тяньдун, заметив задумчивый взгляд Чжао Сюэханя. — Наш... прародитель ордена родился и вырос прямо здесь, в городе Хуай. Ему приглянулась эта гора, да и уходить далеко от родного очага не хотелось. Вот он и основал обитель на здешних кручах.

— И каково это? Разве столь тесное соседство обычных людей и совершенствующихся не нарушает заведённый порядок? — спросил Чжао Сюэхань.

— Большую часть времени адепты проводят в уединении, посвящая себя духовным практикам, — ответил Вэнь Тяньдун. — Сюда, вниз, они спускаются в лучшем случае раз в десять, а то и в двадцать лет. — Он негромко вздохнул: — Наш основатель ведь потому и выбрал гору Шихун, чтобы быть поближе к семье. Но в итоге до самой кончины родителей ему так и не довелось

навестить их больше пары раз. Долг перед Дао суров.

«Да уж, бессмертным тоже не позавидуешь», — мысленно вздохнул Чжао Сюэхань, глядя на тонущую в сумерках вершину.

Город Хуай окружали высокие стены из тёмного камня с воротами на все четыре стороны света. Линь Цзюэ повёл отряд к южным воротам. Едва заведев его жетон истинной судьбы, стражники почтительно расступились и пропустили юношу внутрь. Остальные трое, скрытые амулетами невидимости, проскользнули следом за ним, не выдав своего присутствия ни единым звуком.

Стоило миновать ворота, как они словно очутились в ином мире. Несмотря на сгущающиеся сумерки, жизнь в городе была ключом. На улицах зажигались яркие огни лавок, всюду кричали зазывалы у лотков с едой, звенел детский смех. Вдоль мостовых сами собой вспыхивали изящные уличные фонари. В бурлящую толпу горожан гармонично вливались статные фигуры бессмертных мастеров — их широкие рукава и белоснежные одежды покачивались в такт неспешным шагам.

Оказавшись внутри, Линь Цзюэ завёл спутников в глухой переулок, где они наконец избавились от амулетов невидимости. Проплутав какое-то время по лабиринту извилистых улочек и проулков, юноша вывел их к богато украшенным воротам внушительного поместья.

Чжао Сюэхань поднял голову и прочитал на лакированной вывеске два крупных, выведенных уверенной рукой иероглифа: «Поместье Линей».

Линь Цзюэ в два прыжка преодолел ступени крыльца и с силой загрохотал бронзовым кольцом по дереву.

— Лицзы! Цуйцуй! Отец! Быстрее открывайте, я вернулся! — всюду закричал он.

Вскоре из-за ворот донеслось ворчание:

— Да иду я, иду! Чего так ломиться средь бела дня...

Створка со скрипом приоткрылась, и в щели показался узкоглазый слуга с жиденькими бровями. Стоило ему разглядеть гостя, как его сонные глаза округлились от изумления. Он торопливо распахнул двери настежь и со всех ног бросился в глубь двора.

— Хозяин! Хозяйка! — истошно завопил он. — Молодой господин... Молодой господин воротился!

Где-то в жилых покоях грохнуло что-то тяжёлое, послышался топот торопливых шагов, и во двор вихрем выбежала статная женщина средних лет, увлекая за собой растерянного мужа.

Увидев сына, она без лишних слов бросилась к нему и стиснула в удушающих объятиях.

— Живой! Вернулся-таки, паршивец! Я знала, знала, что у него сердце не каменное! — причитала женщина, покрасневшая от избытка чувств. Она звонко чмокнула Линь Цзюэ в макушку, но в следующее мгновение резко отстранилась и отвесила сыну хлёсткую затрещину. — А ну говори, негодяй, где тебя черти носили?! Как у тебя только совести хватило явиться!

— Мама! — Линь Цзюэ опешил от столь стремительной смены милости на гнев и обиженно потёр горящую щеку. — Ну виноват, виноват! Я же просто хотел вас навестить!

Отец Линя, стоявший рядом, явно сиял от счастья, хоть и старался сохранять степенный вид. Он мягко притянул сына к себе, потрепал по волосам, а затем ласково перехватил разгневанную супругу за локоть.

— Ладно тебе, мать, — мягко произнёс он. — Главное — вернулся целым и невредимым. А ты, сын, больше не смей так безрассудно исчезать. Посмотри, как извелась твоя мать.

Женщина шмыгнула носом, глядя на сына полными слёз глазами.

— Матушка... — Линь Цзюэ тут же включил всё своё обаяние, ласково обвил руками её шею и прижался щекой к её лицу. — Ну прости глупого сына. Я правда во всём раскаиваюсь. Больше никогда-никогда не сбегу из дома без спросу.

Она шутливо погрозила ему пальцем, хотя взгляд её уже смягчился.

— Раскаялся он, как же! Выростила на свою голову неблагодарного упрянца — ушёл и даже весточки не оставил!

Наблюдая за этой трогательной сценой семейного воссоединения, Чжао Сюэхань ощутил странное беспокойство. Он слегка прищурился, пристальнее вглядываясь в лица супругов Лин.

Они вели себя в точности как обычные любящие родители, обретшие пропавшее дитя: причитали, плакали и ласково бранили беглеца. Спустя пару минут первая буря эмоций улеглась, и глава семейства наконец обратил внимание на скромно стоявших у ворот гостей. Сдержанно кивнув им в знак приветствия, он повернулся к сыну:

— А это... твои спутники?

— О, это мои друзья! — Линь Цзюэ выпустил мать из объятий и указал на троицу. — Они вольные заклинатели, прибыли поглазеть на Собрание Встречи Зимы. Я обещал, что мы пригостим их на время праздника.

Он умоляюще заглянул отцу в глаза:

— Мы ведь не откажем им в гостеприимстве, папа?

— Ну разумеется, — тепло улыбнулся тот. — Друзья моего сына — желанные гости в нашем доме. — Он отступил в сторону, приглашая всех войти. — Прошу, милостивые господа, не стесняйтесь. Могу я узнать ваши почтенные имена?

— Вот этот, высокий — господин Янь Байюй, — мгновенно сориентировался Линь Цзюэ, на ходу выдумывая фальшивые имена. — А тот, что писанный красавец — Вэнь Хучжу.

— Что же до этого юноши... — Линь Цзюэ заговорщически подмигнул Чжао Сюэханю. — Его зовут Чжао Лэн.

Чжао Сюэхань лишь мысленно вздохнул от такой вопиющей лени. Назвать демонического владыку «Холодным Чжао» — верх оригинальности.

— У нас как раз есть пара свободных гостевых комнат, — подхватила хозяйка дома. — Я сейчас же велю слугам прибраться там и приготовить постели.

— Ой, не надо лишних хлопот! — весело перебил её сын и беззастенчиво указал пальцем на Янь Кэ и Чжао Сюэханя. — Этим двоим хватит и одной комнаты на двоих. Дело в том, что почтенный господин Янь практикует весьма суровые техники: по ночам он медитирует исключительно стоя. Стоит ему коснуться спиной кровати — и пиши пропало, разум тут же захватят внутренние демоны.

При слове «демоны» супруги Лин испуганно переглянулись и с опаской воззрились на Янь Кэ. Тот, сохранив абсолютное бесстрашие на лице, едва заметно кивнул, подтверждая нелепую ложь.

«Надо же, о таких странных методах культивации я слыху не слыхивал», — подумал Чжао Сюэхань. Янь Кэ слегка нахмурился и едва слышно шепнул ему на ухо:

— Он всё врёт.

— А господин Вэнь, — Линь Цзюэ тем временем уже панибратски ухватил Вэнь Тяньдуна под локоть, — устроится у меня. Мои покои просторные, места на двоих достаточно.

— Но прилично ли это?.. — замялся отец Линя, с сомнением глядя на Вэнь Тяньдуна.

— Всё в порядке, почтенный хозяин, — с мягкой улыбкой успокоил его тот. — Мне не составит труда разделить комнату с вашим сыном.

— В таком случае приношу извинения за неудобства, — поклонился глава семейства. — Этот негодник даже не предупредил нас о визите столь дорогих гостей. Он ещё совсем глупый ребёнок, прошу вас отнестись к его выходкам со снисхождением.

— Я уже давно не ребёнок! — обиженно заворчал Линь Цзюэ. — Знали бы вы, сколько лет я посвятил самосовершенствованию...

— Молчи уж, великий заклинатель, — беззлобно прервала его мать, легонько ткнув пальцем в лоб. — Небось пролоботрясничал всё время, не добился никаких успехов, испугался трудностей — вот и прибежал под крылышко к родителям!

— И вовсе нет! — защищался юноша, потирая лоб. — Я невероятно преуспел! Мой первородный дух уже полностью сформирован...

— Да неужели? — скептически фыркнула женщина. — Тогда почему в самый разгар подготовки к Собранию Встречи Зимы, когда все твои соученики с ног сбиваются от забот, ты преспокойно бездельничаешь дома?

Этот аргумент явно попал не в бровь, а в глаз. Линь Цзюэ мгновенно сдулся, притих и поспешил увести гостей вглубь поместья, лишь бы прекратить этот допрос.

Чжао Сюэхань шёл следом, глядя на летящую походку юноши. В его голове роились нелёгкие думы. Не выдержав, он окликнул Линь Цзюэ:

— Слушай... А сколько лет ты уже тренируешься в ордене?

Тот небрежно сорвал сухую веточку с придорожного куста, принялся крутить её в пальцах и рассеянно бросил:

— Да прилично уже. А что такое?

Чжао Сюэхань выдержал паузу, подбирая слова, а затем тихо заметил:

— Твои отец и мать... выглядят на удивление молодо для родителей столь долгоживущего заклинателя.

Линь Цзюэ на мгновение замер. В его глазах что-то резко и холодно блеснуло. Он с силой сжал пальцы — сухая ветка с негромким хрустом переломилась на несколько частей и полетела в клумбу.

— Не суй нос не в своё дело, — с весёлой улыбкой ответил он.

<http://bllate.org/book/19675/2002867>